

И в городе, и в деревне латаное-перелатанное тряпье носили почти все, и донашивать с чужого плеча никто не стыдился. Да и рады бы иные пожитья обносками, да негде было взять — у каждого лоскут на счету. В селах, конечно, ткали свой домашний холст, но себе оставляли крохи. А ту скудную мануфактуру, что выделяли по распределению раз в год, еще поди выкупи — откуда у простого колхозника лишняя копейка?

Вот и крутились как могли: накопленные талоны на ткань тайком везли в город на продажу или выменивали на поношенную одежонку. Дома ее стирали, латали — и можно носить. Всяко выгоднее, чем сидеть без гроша и смотреть, как драгоценные купоны сгорают без дела.

Гоудань счел эти доводы разумными и велел отцу увязать все обратно. Ли Сы одолжил у кого-то из односельчан толстую слегу, приспособил ее вместо коромысла и взвалил узлы на плечи.

— Гоудань, сынок, да за какие такие заслуги тебе столько добра прислали? — поинтересовался Ли Сы.

Одежка хоть и была с чужого плеча, но выглядела крепкой: иная поношена едва наполовину, а иные вещицы и вовсе казались почти новыми — видать, городские ребятишки просто переросли их в один миг. Все было чистым, аккуратным, прибранным со всей заботой. И ведь не поленились отправить посылку Гоуданю через полстраны — за одну пересылку, небось, кучу денег выложили.

Гоудань подумал малую малость и рассказал отцу о том, что приключилось прошлым летом у подножия горы, в лесу неподалеку от государственной фермы. В тот раз они с ребятами даже получили награду и мимоходом рассказали об этом дома. Только взрослые тогда лишь отмахнулись: решили, небось, что детвора помогла приезжему по мелочи, а тот из жалости подкинул им съестного.

— И впрямь выручили? Но даже если так, с чего бы ему писать тебе целое письмо? — удивился Ли Сы.

Гоудань закатил глаза — больше всего на свете он терпеть не мог, когда взрослые лезли с расспросами.

— Да не только в этом дело, — буркнул он.

Ван Сюань, заметив, что Гоудань вот-вот огрызнется на старосту, поспешил вмешаться:

— Мы потом еще в коммуне с тем дядей встретились. Он специально расспрашивал, как брата Гоуданя зовут и где он живет.

Правда, тогда Гоудань ничего ему не ответил, и Ван Сюань до сих пор ума не мог приложить, как этот военный разузнал адрес. Но делиться этими мыслями вслух он не стал.

— И выпрашивал только про Гоуданя? Про других и не вспомнил? — задумчиво прищурился староста.

— Не-а, ни про кого больше не спрашивал, — подтвердил Ван Сюань. — Да и в коммуне в тот день мы только вдвоем были. Тот дядя только братом Гоуданем интересовался. Он к нему очень привязался!

О том, что они тогда попросту сбежали с уроков, Ван Сюань скромно промолчал.

Гоудань закинул руки за голову и уставился на голые зимние ветви деревьев. Ишь, «привязался» к нему этот Чэнь! Что-то незаметно было. Тот только и делал, что чинил ему препятствия да поучал, будто назло!

Стоило им воротиться в деревню, как Гоудань протянул письмо старосте. Тот покрутил листок в руках и велел позвать колхозного писаря:

— Я ведь грамоте не до конца обучен, не все знаки разберу. Пусть лучше писарь прочитает, у него за плечами целая семилетка, парень ученый.

Из письма, которое писарь зачитал вслух, выяснилось, что Чэнь Чжэнго действительно писал лично Гоуданю, хотя не забыл передать привет и Ван Сюаню: «Знаю, что вы с ним вечно не разлей вода, так что пишу тебе одному — считай, обоим передал».

Чэнь Чжэнго объяснил, что эти вещи раньше носили его племянники. Парни давно выросли, а одежда осталась лежать в сундуках — старшие в семье припрятали ее до лучших времен. Теперь вот он съездил на родину и попросил собрать посылку для Гоуданя. «Одежка вся чистая, — писал он. — Мы ее и раньше отдавали родне, у кого дети подходящего возраста, так что носите на здоровье».

В те годы донашивать чужие вещи никто не считал зазорным. Напротив, если у кого в городе имелась родня с хорошим достатком и талонами на мануфактуру, получить от них пусть и ношеную, но крепкую одежду было предметом великой гордости. Вещи без заплат выглядели куда приличнее деревенской самодельщины. Да и покрой у них был городской, и цвет приятный — не чета серым холщовым рубахам из грубого домашнего сукна.

Деревенской бедноте новые вещи шили на вырост — мешковатыми, безразмерными, чтобы хватило на несколько лет вперед. И чаще всего одежда успевала превратиться в труху задолго до того, как ребенок из нее вырастал. Если же вещь отдавали почти новой просто потому, что она стала мала, это было верным признаком сытой, безбедной жизни городского чиновничества или военных. В таких семьях не знали нужды в отрезах ткани, не заставляли детей ходить в мешках, не перешивали старье по десятому кругу и не лепили заплату на заплату. Те, кто мог позволить себе раздавать малое платье, были баловнями судьбы, не знавшими дефицита.

Староста задумчиво погладил редкую седую бородку. «Надо же, — подумал он. — Летом-то у горы целая гурьба ребятишек крутилась, все они так или иначе причастны к тому делу были. Однако ж этот командир выделил одного лишь Гоуданя. Да еще и подарками осыпал, теплое армейское одеяло прислал на зиму глядя. Остальным ребятам тогда раздали по мелочи — и дело с концом».

«А Гоуданя этот человек помнил так долго. Неужто за то, что его заслуга была больше? Староста подозревал, что дело тут не в одной лишь благодарности. Должно быть, малец чем-то зацепил командира. Стал бы взрослый человек так баловать мальчишку, которого видел всего-то пару раз в жизни? Наверняка тут крылось что-то еще».

Гоудань не любил забивать себе голову лишними мыслями. Когда писарь закончил читать и подтвердил, что ничего важного в письме больше нет, мальчик вздохнул с облегчением. Оно и верно — они с Ван Сюанем еще дети, о чем с ними серьезно толковать?

Спрятав листок обратно в конверт, Гоудань вместе с Ван Сюанем первым делом отобрали себе по паре теплых зимних костюмов посвежее да по одной летней рубашке. Все остальные вещи они решили раздать ребятам, которые были с ними в лесу прошлым летом. Одежды в тюках оказалось немало, но вся она была разного размера и износа, так что ребятам предстояло договариваться меж собой. Армейское одеяло, само собой, Гоудань твердо решил оставить себе — в конце концов, посылка предназначалась ему лично, и поделиться одеждой с товарищами и без того было жестом неслыханного великодушия.

Староста присмотрел себе пару курток поплотнее, да и писарь выудил из кучи небольшую вещицу для своего первенца — тот у него был совсем еще крохой.

Вскоре на шум сбежались матери тех ребят. Бабы эти, привыкшие везде искать выгоду, подняли невообразимый гвалт. Каждая норовила хапнуть побольше:

— Мой-то сынок тоже тогда в лесу был! Он тоже заслужил!

Началась толкотня. Одна кричала, что раз ее старший заслужил одежду, то надо взять и на долю среднего, да и младшему куртку отхватить. Дело едва не дошло до драки. Если бы все пошло по их воле, вещей не хватило бы и на половину крикунов.

Староста зычно прикрикнул на них, и в избе ненадолго приутихло.

— А ну цыц, хабалки! — осадил их старик. — Вас тут вообще стоять не должно! Тот командир прислал вещи Гоуданю лично, потому как уважает его. Ваши хлопцы свою награду еще летом получили, и точка. Письмо написано Гоуданю, и добро прислано ему же. То, что он позволяет вам выбрать по вещице, — чистой воды его милость, а вы тут хай подняли! Совесть-то имейте, бесстыжие!

Гоудань воспользовался заминкой и выкликнул ребят:

— А ну, подходи по одному. Каждому — по одной вещи, и чтобы без драк. Кто начнет жадничать, тот вообще с пустыми руками уйдет. Давайте на пальцах считаться: кто выиграет, тот выбирает первым, а остальные за ним в очередь строятся.

Ребята принялись увлеченно разыгрывать очередь на пальцах и разбирать одежду. Однако без вмешательства взрослых все равно не обошлось. Матери то и дело дергали сыновей за рукава: «Бери вот эту куртку! Зачем тебе та тонкая рубаша? Бери побольше, чтобы твой старший брат тоже носить мог!» Мальчишки топтались в нерешительности — им хотелось взять то, что приглянулось самим, а матери шикали, запрещали выбирать летние вещи и заставляли хватать тяжелые зимние куртки, крича, что так выгоднее.

Кое-кто из счастливиц сиял от радости и тут же натягивал обновку прямо на себя. Другие уходили с кислыми лицами — они понимали, что добытую вещь придется делить с братьями, и до них самих она дойдет лишь тогда, когда превратится в тряпье после старших.

Едва толпа разошлась, в избу вихрем влетела старая госпожа Ли. С порога она накинулась на пожитки Гоуданя:

— Мои родные внуки без порток ходят, а ты чужим добро раздаешь! Ли Сы, ты совсем из ума выжил, дубина стоеросовая?!

С этими словами старуха сгребла в охапку сложенную на кане одежду.

Ван Сюань бросился было отбирать вещи, но старуха с неожиданной силой оттолкнула его:

— Пошел прочь, приемыш неблагодарный! Жрешь наш хлеб, живешь в нашем доме, да еще и в чистые вещи нарядиться захотел? Ишь, чего удумал, рвань приبلудная!

— Бабушка, эти вещи прислали нам! Какое ты право имеешь их забирать? — воскликнул Гоудань.

— Ишь, заладил: «твоё-моё»! В доме собственного сына я уже и хозяйничать не могу, по-твоему?

— А ты попробуй унеси! Посмотрим, кто из твоих ненаглядных внучков посмеет это напялить!
— Гоудань даже не взглянул на растерянного отца. Он шагнул вперед и с корнем вырвал одежду из рук старухи.

Старая госпожа Ли тут же плюхнулась на пол и истошно заголосила на всю избу:

— Ой-ёй, батюшки! Ой, люди добрые, спасите! Родной внук бабушку бьет! По миру пустить хочет! Внук на родную бабушку руку поднял!

Ли Сы бросился поднимать ее с пола:

— Матушка, да что ж вы творите? Гоудань ведь еще дитя...

В глубине души Ли Сы и сам засомневался: может, и правда стоило уступить старухе хоть малую малость, дабы унять скандал?

— Отвяжись! — отмахнулась старуха. — Ты мне прямо скажи, олух: отдашь шмотки или нет?

— Не отдадим! С какой стати?! — Гоудань подскочил к ней и рявкнул во всю силу своих легких.

Старуха снова принялась елозить по полу и причитать. Собравшиеся у порога соседи неодобрительно зашептались:

— Гоудань, сынок, уступил бы бабушке куртку-другую. Негоже пожилому человеку на полу валяться, срам-то какой на всю деревню.

Другие поддакивали:

— И то верно! У вас ведь еще одеяло новое армейское есть. Отдали бы его деду с бабкой, а сами старым укрылись. Нельзя же стариков в холоде оставлять, это ж не по-сыновьи, грех великий!

В деревне всегда так: случись раздор, виноватым непременно выставят того, кто младше. Соседи — все как один взрослые люди — по привычке держали сторону старшего поколения и Старшего дяди Ли.

— Не дам! — яростно закричал Гоудань. — А ну катитесь отсюда все! Коли вам ее так жалко, тащите свои одеяла из хат! У нас в доме это единственное доброе одеяло, с какой стати мы должны отдавать его и сами мерзнуть коченеть?!

Конечно, соседи наседали на Ли Сы только потому, что знали: он мухи не обидит, его легко заставить плясать под чужую дудку.

— Дядя! — Гоудань повернулся к старшему дяде, стоявшему в дверях. — У тебя дома одеял навалом! Что же ты своей матери теплую постель не обустроишь? Она ведь в тебе души не чает, а Цзиньбао и Иньбао для нее краше солнца! Что-то я не вижу вашей хваленой почтительности! Или вы решили, что только мы должны перед ней прыгать, потому что мой отец бессловесный?! Раз вы такие сильные да смелые, что ж на чужих людей не лаετε, а только своих дома грызете? Стыд и позор!

— Ах ты паршивец! Да как ты смеешь со старшими так разговаривать?! Сразу видать — выродок без матери, волчье отродие! — взвился старший дядя.

— Ты-то у нас с матерью вырос, да только посмотри на нее! Разлеглась в грязи и ревет, ровно девка трехлетняя! Какая мать бесстыжая, такой и сынок вырос — ни чести у вас, ни совести! Тьфу на вас!

Слова эти были злыми, колючими и совершенно не подходили малолетнему мальчишке. Но дядина брань угодила в самую болезненную рану Гоуданя. Он старался казаться равнодушным, но эта обида жила в нем глубоко и незаметно для окружающих. Когда мать только-только сбежала из деревни, он на каждом углу слышал эти ехидные шепотки. Из-за этого с ним никто не хотел водиться. Со временем в его душе вырос глухой оборонительный барьер, и теперь любая искра вызывала яростный взрыв. В такие минуты он не разбирал выражений и крушил всё вокруг, отчего казался людям жестоким и нелюбимым.

Даже старая госпожа Ли подавилась собственной слезой и замолчала. Когда собственный внук прилюдно обвиняет тебя в бесстыдстве — это все равно что плюнуть в лицо и растоптать былую гордость в пыли.

Притихшие зеваки попятились к выходу. Лицо Гоуданя исказилось от ярости, он кричал так, что жилы на шее натянулись струнами. Расталкивая толпу, он погнал всех взащей из избы. Обернувшись, мальчик увидел, что старуха все еще сидит на полу в той же нелепой позе. Не говоря ни слова, Гоудань подскочил к ней, мертвой хваткой вцепился в плечи и поволок к выходу.

— Сама уйду! Сама! — заверещала старуха, не шутя перепугавшись. Ей почудилось, что в парня вселился злой дух — таким жутким был его взгляд.

Вытолкав старуху на крыльцо, Гоудань с силой толкнул ее прямо в руки Старшего дяди Ли и велел обоим убраться к чертям. Дядя взревел от ярости и замахнулся, желая проучить наглеца тяжелой ладонью. Но не успела его рука опуститься, как Гоудань молниеносно пнул его в живот. Дядя охнул, покатился кубарем по ступеням и растянулся в грязи.

Мальчик хватал все, что под руку подворачивалось — поленья, старую утварь — и швырял вслед незванным гостям. Когда же он поднял с земли увесистый булыжник и примерился для броска, обидчики припустили наутек без оглядки. Входная дверь с грохотом захлопнулась вновь.

За забором еще долго шушукались перепуганные соседи:

— Да он бешеный! Не пущу больше своих ребятишек к нему играть, от греха подальше...

— Будто бес в него вселился, ей-богу!

— И то верно, откуда у сопляка такая силища? Вы видели его глаза? Красные, дикие! Точно нечисть прицепилась.

— Да и дом у них непростой, забыли, что ли, чей он раньше был? Наверняка нечистая сила в этих стенах завелась и парня с ума сводит!

Судачили долго, перемывая кости семье Ли Сы на все лады, но дверь избы оставалась глуха к их ропоту. Постепенно кусачий зимний холод загнал зевак по домам, и улица опустела.

— Брат Гоудань, ты как? Полно тебе, не злился так сильно, — тихо позвал Ван Сюань, подходя ближе.

Гоудань стоял, низко опустив голову. Лишь спустя минуту он глухо произнес:

— Я и сам не знаю, А-Сюань... Как услышал эти слова, как увидел, как бабка на полу валяется да зубы скалит — так в груди все и закипело. Такая ярость взяла, удержаться не мог. Мне показалось, я могу каждого из них за шиворот поднять и через забор перекинуть. Сила какая-то дикая по жилам побежала. Может... я заболел чем?

— Да ну, глупости! Ты просто не хотел их видеть, вот и вспылел. Никакой ты не больной.

— Знаешь... я ведь раньше всегда один играл. Помнишь?

Ван Сюань нерешительно кивнул. Гоудань продолжил:

— Я ведь не сам от них прятался. Стоило мне к ребятам прибиться, как их мамы тут же выскакивали и утаскивали детей по домам. Будто я прокаженный какой. Но я ведь ничего дурного им не сделал! За что они меня так невзлюбили?

— Это они дураки, а не ты виноват, — тихонько ответил Ван Сюань. — Меня они тоже, видишь, недолбливают.

Гоудань невесело усмехнулся:

— И то верно. Не будь этого, мы бы с тобой тоже тайком не сбегали играть.

Он вздохнул и уставился в пол:

— А потом мы в школу пошли. Я драться научился, силу показал, и показалось, будто у меня теперь куча друзей завелась. Все за мной ходили, в рот заглядывали. Но стоило их родителям прийти — и никто рта за меня не раскрыл. Им просто завидно, что нам больше вещей досталось, вот и все! Решили, раз у нас одеяло хорошее есть, так мы обязаны последнюю рубаху с себя снять и им отдать. С какой стати?!

— Я думал, мы для них что-то значим, а они... неблагодарные свиньи. Слышишь, А-Сюань? Я теперь жалею, что вообще с ними поделился.

— Ну и не будем больше ничего им давать, — твердо отозвался Ван Сюань. Он подошел и ободряюще обнял Гоуданя за плечи. — Взрослые злые, ну их. Погляди лучше на Дагуая и Сяогуая — они-то настоящие друзья! Волокли эту бабу к двери, а собаки на нее всю скалились, за тебя заступались.

Они стояли посреди избы, делясь наболевшим. И Гоудань, обычно такой задиристый и стойкий, казался сейчас хрупким и растерянным, да и Ван Сюань говорил не по-детски серьезно.

Ли Сы наблюдал за сыном со странной смесью робости и тревоги. Наконец он решился подать голос:

— Гоудань... Сынок?

Мальчик не удостоил его ответом. Он молча забрался на кан, отвернулся к стене и затих.

На изрезанном морщинами лице Ли Сы появилась виноватая, но облегченная улыбка. Слава богу! Сын остался прежним. Не вселился в него никакой злой дух, не завладел его телом. Признаться честно, ярость Гоуданя не на шутку напугала отца, а тут еще и соседи загалдели про сглаз да порчу — поневоле начнешь верить во всякую чертовщину.

Видя, что сын дуется на него точь-в-точь как прежде, отец нисколько не обиделся. Напротив, он весело зашагал во двор, набрал охапку сухих дров и принялся усердно разжигать печь под каном, чтобы Гоуданю спалось в тепле и уюте.

— Гоудань, прости ты отца... Малохольный я у тебя, не смог заступиться... — тихо пробормотал Ли Сы от печного зева.

— Да уж, слабак ты, — глухо донеслось с кана. — Стоило бабке сесть на пол да завывать, как ты сразу лапки кверху задрал и готов был все ей отдать. Небось и одеяло новое уже мысленно ей подарил?

Ли Сы лишь виновато почесал затылок и беззлобно усмехнулся. Во всей округе не сыскать было более странного отца — он во всем потакал малолетнему сыну и заглядывал ему в рот. Что бы ни вытворял Гоудань, Ли Сы никогда на него не сердился. На любую колкость у него был один ответ:

— Ладно-ладно, сынок. Твоя правда. Как скажешь, так и сделаем.